

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
ПЗ7

**Платова, Виктория Евгеньевна.**

ПЗ7 Анук, mon amour / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-101387-5

Роскошная форма и изумительное содержание...  
Обилие эмоций и чувств...

Необыкновенно красивый, метафоричный роман...

Разделенные в младенчестве сямские близнецы Анук и Ги Кутарба жили вместе до тех пор, пока Анук, ставшая красивой девушкой, не ушла из дома. Ги тоже покинул отчий дом и уехал в Париж с Мари-Кристин, совладелицей модного дома. Но Ги продолжает любить только Анук, и это больше, чем обычное братское чувство.

Он встречает сестру в Париже, и их отношения выходят за пределы допустимого... Мир превращается в искусно изложенные мысли, рассуждения и переживания героев. Их чувства воплощены в великолепном слоге, основной движущей силе книги.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В., 2019  
© Оформление.

ISBN 978-5-04-101387-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Все события, происходящие  
в романе, вымышлены, любое  
сходство с реально существующими  
людьми — случайно.*

**Автор**



# Книга первая

## РАЗЛУЧЕННЫЕ

Птица поет в моей голове  
И мне повторяет, что я люблю,  
И мне повторяет, что я любим,  
Птица с мотивом нудным.  
Я убью ее завтра утром.

*Жак Превьер*

### ПРОЛОГ

...Диллинджер мертв.

Ничего особенного в этом нет, мертв и мертв, голубоглазый.

Замызганная кровью мостовая у кинотеатра «Байограф» — прямо под афишей «Манхэттенской трагедии» — романтичнее финала для гангстера и придумать невозможно. С таким финалом, того и гляди, сам попадешь на афишу: редко кому удастся вытянуть джокер напоследок — целую лужу крови, сходную очертаниями со штатом Айдахо. Айдахо, да... Потом на смену Айдахо пришел Вайоминг — и все из-за желающих смочить носовые платки в сувенирной крови Диллинджера. Желających было — не пропихнуться, целый вагон чикагских дурачков с заусенцами на нетерпеливых пальцах: еще бы, знаменитый грабитель банков, враг общества number one. Последние пятеро, едва поспевшие к луже, — последние пятеро общими усилиями трансформирова-

ли Айдахо-Вайоминг в Индиану. Индиана, да... Индиана, родной Диллинджеров штатец, привет тебе!.. Привет тебе от жен и подружек чикагских дурачков — кровь Диллинджера оказалась такой же густой, как кровь Христа, — разве они могли отказать себе в причащении?.. Конечно, это была далеко не единственная лужа крови в истории человечества, и гангстер был не единственным, но до чего же лихо он заламывал шляпу!

Голубоглазый...

Именно такие — голубоглазые, с рассыпающимися, как песочное тесто, мягкими волосами и целеустремленными подбородками, которыми только сваи заколачивать, — именно такие всегда нравились Анук. Им она тоже нравилась. Да что там нравилась — они с ума по ней сходили, по моей Анук. По девочке, от которой можно было ожидать чего угодно. Чего угодно — за исключением нижнего белья. Ну не носила она нижнее белье, что уж тут подделаешь... И кольца были ей противопоказаны, за исключением одного; и книги были ей противопоказаны, за исключением одной. И духи ей были противопоказаны, за исключением одних. Которые я так и не придумал...

Жизнь ей тоже была противопоказана, что уж тут подделаешь... Не «вообще жизнь», разумеется, а та, которой живет большинство. Я тоже живу жизнью большинства — Анук так и не смогла изменить меня. Я — единственный, кого она не смогла изменить.

Я, да еще — Диллинджер.

Джон Герберт Диллинджер, пристреленный как собака у кинотеатра «Байограф» за несколько

**8** десятилетий до рождения Анук. Если бы звез-

ды встали иначе и Диллинджер и Анук встретились бы...

Если бы они встретились, о Бонни и Клайде никто бы и не вспомнил.

Не то чтобы Анук знала толк в банковской системе безопасности и могла без всяких рефлексий выпустить пулю в лоб зазевавшемуся стражу закона — нет. Вряд ли она вообще когда-нибудь держала в руках пистолет, а если и держала — то ей и в голову бы не пришло снять его с предохранителя. Просто Анук всегда была Анук — рассеянной девочкой, под ноги которой хотелось бросить весь мир. Не факт, что она заметила бы это. Скорее всего — не заметила бы. Но отдать ей лучшее, на что ты способен, даже если это «лучшее» — преступление... У Диллинджера получилось бы наверняка. У него получилось бы — посвятить Анук какое-нибудь хорошо обставленное, увешанное гирляндами и пахнущее рождественской елкой убийство. Не факт, что она заметила бы это. Скорее всего — не заметила бы. Но разве в этом суть, если дело касается Анук? Суть состоит совсем в другом, и она так и норовит крючьями вцепиться тебе в горло: либо ты выбираешь Анук, либо ты выбираешь все остальное. Все остальное — это пробежки по утрам, пиво к вечеру, бильярд, боулинг, биатлон, Бали и Биарриц в качестве презента от фирмы за выслугу лет; светские вечеринки, на которых тебя по давно заведенной традиции непременно обольют соусом карри. И с которых ты — по давно заведенной традиции — непременно уползешь с силиконовым бабцом под мышкой. Весь остаток ночи бабец будет преувеличенно громко стонать под тобой, стараясь попасть 9

в рваный ритм «Розовой пантеры» Манчини и в твой собственный рваный ритм. Как правило, это получается: прагматичный северный бабец (по давно заведенной традиции он по-настоящему заинтересован в твоей скромной персоне) может сымитировать все, что угодно, — от темперамента *chica latina*<sup>1</sup> до множественного оргазма. Но лучше всего у бабца получается утренний кофе в постель и невинный вопрос, заданный еще более невинным голосом: «Что тебе приготовить на ужин, сла-адик?» На то, чтобы выкурить бабца из квартиры, уходит такая туча времени, что побриться ты уже не успеваешь.

Но успеваешь подумать об Анук.

Я всегда думаю об Анук, даже когда не думаю о ней.

Что было бы, если бы мы не встретились? И на моем месте оказался бы Диллинджер, завсегда-тай банков, тюрем и первых рядов в кинотеатрах. Наверняка они бы там и познакомились — в киношке, — наверняка. Под сенью ассирийских глаз Рудольфо Валентино, под сенью египетских бровей Авы Гарднер, под сенью тexasского рта Кларка Гейбла. И Диллинджер сразу бы втрескался в Анук, в ее прерывистое дыхание. И преподнес бы ей на блюдечке лучшее из своих сорока пяти вооруженных ограблений.

Она того стоит, Анук, моя девочка.

Что было бы, если бы мы не встретились?

Наверняка вся моя жизнь сложилась бы по-другому — наверняка. И я не стал бы участником странных и загадочных событий, — без Анук они

просто не могли бы произойти; так же, как весна никогда не сменила бы зиму, так же, как день никогда не сменил бы ночь, — в отсутствие Анук.

Что было бы, если бы мы не встретились?..

Но мы встретились. В животе нашей с ней матери, которая и матерью-то побывать не успела: так, шестнадцатилетняя девчонка, умершая при родах. Теперь-то я думаю, что именно Анук сожрала ее изнутри: Анук всегда была невыносима мысль, что она кому-то обязана. Даже своим появлением на свет.

Вряд ли хоть кто-то знал о нашем отце; вряд ли хоть кто-то вообще был заинтересован в нашем рождении. Поначалу мы с Анук были постыдной тайной, потом — постыдной правдой, а потом нас все-таки выудили из материнского чрева: для этого пришлось делать кесарево. Так мы и появились — за широко распахнутыми, взломанными нехитрым медицинским инструментом воротами из плоти. Теперь-то я думаю, что именно Анук мы обязаны тем, что нас не утопили, как щенков в ведерке, — ведь затылки наши оказались сросшимися. Анук увидела первой — младенца с фиалковыми глазами. «Фиалковыми» — не самое точное определение. Такой цвет почти не встречается в природе, разве что — в самом сердце грозового неба, в самом сердце беспокойного моря, в самом сердце старинных фресок. Анук и сама была похожа на фреску, и так же, как от фрески, от нее веяло вечностью и тайной. А в местности, где мы родились, не очень-то любят связываться с тайнами и уж тем более — с вечностью. Себе дороже.

Теперь-то я думаю, что, если бы не Анук, не ее фиалковые глаза, мы никогда бы не узнали, что такое Дом. Но отказаться от ее глаз было **11**



невозможно, ради них пришлось терпеть и меня, ничем не примечательного сиамского братца с вытянутым мягким черепом и пегим подшерстком.

Довесок к тайне и вечности.

Наши затылки разъединили на пятый день пребывания в Доме. Самым обыкновенным ножом — так гласит семейное предание. Впрочем, нож был не совсем обыкновенным. Он принадлежал деду, а до этого — деду деда, а до этого... До этого он всплывал в Дамаске и Константинополе, им потрошили неверных, чистили рыбу и резали хлеб, — и сталь его никогда не тупилась, и рисунок на рукояти не тускнел от времени: сверчки и раковины, сверчки и раковины. Им ничего не стоило освободить глаза Анук от моего подшерстка. Кровь не могли остановить в течение полчаса — так гласит семейное предание. После того как сверчки и раковины прошлись по нашим затылкам, я заплакал. А Анук улыбнулась сморщенным младенческим ртом. Впервые.

В память о первой улыбке Анук у меня остался небольшой шрам. Точно такой же шрам пригрелся змеей под волосами Анук. Эти шрамы, зеркально повторяющие друг друга, связывают нас до сих пор. Они — единственное, что нас связывает. Анук никогда не любила обременять себя связями, почему я, сиамский братец, должен быть исключением? Она так и сказала мне однажды, моя Анук: «То, что мы перекантовались девять месяцев в чьем-то животе, еще не повод для близких отношений, Гай». Так и сказала. И сунула в рот большой палец. По детской привычке, которой столько же лет, сколько нашим именам.

Анук и Гай.

Мы получили их от деда, в тот самый день, когда сверчки и раковины отделили нас друг от друга. Навсегда. Теперь-то я думаю, что он не особенно ломал голову над тем, как нас назвать, хотя... Анук — единственное сочетание букв, которое идет фиалковым глазам. От деда же мы унаследовали фамилию — Кутáрба. Анук — для того, чтобы сразу же забыть о ней, а я — для того, чтобы постоянно о ней помнить. Гай Кутарба или Ги Кутарба́, как называла меня моя первая женщина, которой я обязан карьерой и раскрученным до тошноты брендом. Парфюмерная линия «Guy Cutarba», Анук умерла бы со смеху. Моя первая женщина тоже вызывала у нее ироническую улыбку, и уже одно это можно было считать достижением: обычно Анук никак не реагировала на женщин. Она отказывала им в праве на существование. Тем более — сорокалетним, тем более — преуспевающим, а Мари-Кристин была именно такой: сорокалетней и преуспевающей, ни единого кольца на пальцах и девственные мочки ушей, не замутненные жемчугом. Модный дом «Sauvat & Moustaki», где Мари-Кристин принадлежала первая из двух фамилий. «Шлюха & Педик», именно так звучал вольный перевод с французского в исполнении Анук. Впрочем, переводов было несколько, они постоянно варьировались и пребывали в рабской зависимости от ее настроения: «Грымза & Араб», «Надеть & Умереть», «Лучше голой», «Радость бедуина» и даже «Я охреневаю, сэконд-хэнд».

«Сэконд-хэнд» относилось к Мари-Кристин.

Она никогда не выбирала выражений, моя девочка, что уж тут поделаешь. Но это было **13**

единственным, чего она не выбирала. В остальном выбор был за ней. Она могла получить что угодно, стоило ей только ткнуть фиалковым взглядом в это самое «что угодно»: вид на жительство в Северной Корее, гравюры Дюрера, лунный грунт, визитку святого Петра, идущую в комплекте с ключами от царствия небесного. И говорящего скворца. И ручную игуану. А о такой мелочи, как мужчины, и говорить не приходится. Но фишка состояла в том, что и получать Анук не любила, — она предпочитала красть. Просто так, из любви к чистому искусству. И было совсем неважно, что перед ней — вещь или человек, — Анук возбуждал сам факт кражи. И чем бессмысленней была кража, тем упоительнее она казалась.

Я хорошо помню ее первый, по-настоящему удачный опыт: нам по шесть лет и мы только что похоронили стрекозу; дед спит в дальней комнате Дома, по виноградным листьям ползет солнечный луч, и бороться с искушением накрыть его ладонью — невозможно.

— Не трогай. — Глаза Анук зажмурены (в память о стрекозе), но я точно знаю, что она наблюдает за мной.

— Это почему? — Мне нравится дразнить Анук, от этого по спине пробегает холодок.

— Потому. — Анук наконец-то открывает глаза и выплевывает монету, которую до сих пор держала за щекой. — Он мой.

— Еще чего, — холодок натывается на шрам на затылке и останавливается: похоже, он решил здесь заночевать.

— Солнце тоже мое, — она по-прежнему не  
**14** смотрит на меня, сосредоточившись на монете.

Монета и вправду замечательная: ослепительно-желтая, с дыркой посередине и корабликом сбоку, Анук стянула ее у деда. Я смертельно завидую Анук, я бы тоже засунул за щеку чудный отчеканенный кораблик, но кораблики всегда бросают якорь в гавани по имени Анук.

— Солнце тоже мое, — упрямо повторяет Анук.

— Дура, солнце — для всех. Дура.

— А вот и нет, — теперь Анук пытается разглядеть меня сквозь дырку в монете. — Вот и нет. Я забираю его себе. И завтра ты его не увидишь.

— Ха-ха. Дура дурацкая.

В следующую секунду я вцепляюсь Анук в волосы, и мы начинаем кататься по земле, давя недозревшие ягоды винограда и невыспавшихся сверчков (точь-в-точь таких же, какие сидят на рукояти дедова ножа).

Монета безнадежно утеряна.

Так ей и надо, — Анук, моей девочке.

Побороть Анук ничего не стоит, тем более что она больше не сопротивляется. На правах победителя я прижимаю ее к земле, устраиваюсь на ее легких костях и... Упираюсь подбородком ей в губы. От губ Анук кислотовато тянет железом, мертвой стрекозой и дном, который мы провели на винограднике. А прямо надо мной качаются глаза Анук. И только теперь становится ясно, почему Анук не сопротивлялась. Только теперь становится ясно, что ее глаза — повсюду, что ее глаза — ловушка, самый настоящий капкан, и я попался, попался. Помощи ждать неоткуда, остается лишь тихонько подвывать, баюкая ушибленную Анук душу.

— Ха-ха, — победно произносит Анук, высвобождая перепачканные землей губы из- **15**